

Галина Бабанаква

"Печаль моя светла..."

// Кузбасс . – 2003 . – 8 февраля. – С.4- 5.

Жил-был поэт - Игорь Киселев.

У поэтов, как и у стихов, нет возраста. Есть разве что щемящая зарубка в нашей памяти: двадцать два года назад сердце Игоря Михайловича остановилось. Ему было сорок восемь. Всего сорок восемь лет. Сколько бы еще стихов он написал! А сейчас редко в какой школьной библиотеке можно найти томики: "Ярославна", "Перецвет", "Человек приходит к человеку", "Ночные реки", "Под солнцем и ненастьем". Кто-то очень метко и образно выразился: «Сборники со стихами Игоря

Киселева передают из рук в руки, как передают котят: только добрым людям». Но каждому жаль выпускать из своих рук "светящиеся страницы". И вглядываться, вчитываться в них:

И пусть я ни дома не выстроил,
Ни трав на земле не взрастил -
Лукавую дудочку выстрогал
И песню по свету пустил.

Не умолкла дудочка и после ухода поэта. С ней, с его стихами ходит по свету жена Игоря Киселева - Ирина Анатольевна. Только, пожалуйста, не называйте ее вдовой. Не любит она этого слова. Для нее Игорь Михайлович не был, а остался. Он рядом с ней. На портретах. В стихах. Вот в этой причудливой веточке, которую принес он однажды из леса. Облетела с ветки одна гроздь рябины, а Ирина Анатольевна привезла новую гроздь. Смотришь на нее и слышишь: "Но был я и лесом, и полем, и птицей, летящей к реке". Но будет со мной любимая до самого грозного дня...

- Она, как Маргарита для Мастера. Она - его единственная женщина.

Это тоже слова про Ирину. Так восхищенно отзывались о ней люди, узнав, что жена поэта уже через несколько лет после его смерти "пробила" в солидном московском издательстве сборник со стихами мужа "Под солнцем и ненастьем". И эта книжица, как песня, разлетелась по свету. И она тоже стала редкой на полках. Потому что зачитана, потому что востребована. А все сборники, что были у Ирины Анатольевны, она раздала, раздарила друзьям и знакомым. А они были главным достоянием Киселевых. Садись за столик, который Игорь с Ириной шутя называли "бермудским треугольником", угощались "рябчиками со свистом". Это была обыкновенная картошка "в мундирах". Когда ее, обжигаящую, вынимаешь из духовки и кладешь на стол, то и получается "со свистом". Весело! Вот он, этот столик. Старичком уже стал. Но ведь память, да еще какая память! В маленькой двухкомнатной квартирке на проспекте Ленина мало что изменилось за двадцать два года.

- И тебе всегда будет столько лет, сколько мне, - говорил ей Игорь.

19 ноября он умер... Неожиданно, вдруг, а 20 ноября к ним собирались прийти друзья на день рождения Ирины... Вот с тех самых пор и не отмечает она больше свой день рождения. Прав был ее Игорь: ей и сегодня сорок восемь. Это - крест ее, завещание любимого. А он ведь беду предчувствовал:

От музыки негромкой,
От снега за окном
Печаль бочком-сторонкой
Неслышно входит в дом.
Присяду, одинокий,
За краешек стола
И повторяю строки:
Печаль моя светла.

И на лице Ирины Анатольевны светлая печаль. Но лишь задержится на мгновение - и за окно. Нельзя ей замыкаться в стенах, нельзя грустить. В марте этого года Игорю Киселеву исполнилось бы (и ведь исполнится!) семьдесят лет. Вот и хочет Ирина Анатольевна пустить по свету новый сборник со стихами Игоря. Она сил своих на суету не тратит. Не имеет права. И после встреч в школах, училищах, библиотеках садится за рукопись. Перед белым листом она склоняется с таким же трепетом и вдохновением, как склонялся ее муж, наш поэт.

Над белой бумагою снова
Споткнусь, потрясенный, с разбега...
Ведь белая магия слова -
Как магия белого снега.

Есть женщины, похожие на пламя, На чуть заметный язычок свечи

...Вот досада-то, вот досада. Отвлекает от мыслей капающая вода из крана. Старый дом, и сантехника старая. Что смогла - обмотала, замазала. Все бы старое лучше выбросить, заменить и не думать, что где-то "прорвет", где-то лопнет. Но на новое надо деньги. Где их взять? Все встречи, творческие вечера и при свечах и без... Ирина Анатольевна проводит так, бесплатно. Все - ради Игоря, его памяти, его стихов. А пенсия, конечно же, "смешная". Заплатит за квартиру, за свет, за телефон. Останется так мало, такие крохи, тянешь-тянешь до следующей пенсии... Это я так думаю. Сама-то Ирина Анатольевна выше быта. И жалоб на жизнь от нее никто и никогда не слышал. Вот и моим вопросам про бюджет не дает ответов. Уходит от них, уводит и меня стихами Игоря:

Ненавижу сочувствующих,
Как добыча - погоню,
Неизбежно сопутствующих
Неудаче и горю!

Но потом вдруг, смеясь, поведала, какой урок преподнес ей отец о главном и второстепенном... Отец Ирины, Анатолий Васильевич Тарасов, был в Кемерове известным медиком. За это поселили его семью в большом кирпичном доме. В трехкомнатной квартире стояла мебель с номерами (была она казенной, в аренду). Не ахти какая мебель, но все-таки была - кровати, стол, табуретки. Ирина думала, что и другие так живут. В

десятом классе, незадолго перед выпускным вечером, вдруг захотелось Ирине новую юбку. Модную, длинную (макси входило в моду). Но денег на ткань не было. Ирина - чуть не в слезы. Тогда отец ей говорит:

- Хорошо, пойдем сейчас вместе к моему знакомому сапожнику и попросим одолжить тебе на юбку до моей зарплаты.

Согласилась дочка. Пришли они на улицу, где сплошь - бараки и бараки. Зашли в один... Сидит на голом полу ребенок и сосет тряпочку (а в ней, наверное, был мякиш хлеба). Зашли в другую дверь... В комнате - две лавки по бокам, полы некрашены... Отец извинился: опять не к сапожнику попал. Еще походили. Поняла Ирина, что вовсе не сапожника ищет отец. Просто хотел, чтобы поняла дочка, как еще другие люди живут. Поняла и заплакала, вернувшись в свою квартиру с чужой мебелью. Таким дворцом показался ей привычный дом и такими хоромами комнаты ее квартиры. Больше она не просила новой юбки... И никогда никому не завидовала. И до замужества, и потом, когда стала Киселевой.

- Игорь не был добытчиком. Мы довольствовались тем, что было.

А была и осталась любовь. Был настоящий белый пароход, на котором они плыли по настоящей реке. И сейчас на шкафу - белый пароход. Модель. Но не игрушка. Тоже память. И в пароходе, и в стихах

А в каюте, лучшей из кают,
Двое не смеются, не поют.
Ни словечка не шепнут друг другу -
Но о чем их руки говорят?
Нежность - электрический разряд -
Из руки проскакивает в руку.

Вот так, прикосновением руки, он без слов предложил ей руку и сердце. А до этого они просто были студентами Новосибирского пединститута. С одного литфака. И в одном занимались кружке - драматическом. Но он был влюблен в другую девушку, да и ей, как признается потом, нравились парни иного склада. Но тогда, на пароходе, к ним пришла настоящая любовь. Единственная и неповторимая. Пароход - не случай, пароход - судьба. Они и потом на нем путешествовали. Под белыми парусами, но в... квартире. А денег на настоящее плавание не было. Ирина купалась не в волнах и не в мехах. Она купалась в стихах. И не ждала, что кто-то скажет ей: "Счастливая!" А кто-то, может, пожалеет: непросто быть женой поэта.

Что чужие слова, что чужая молва? Ей хватало покаяния Игоря: "Я виноват перед другими, но сотни раз - перед тобой". Все, кто знает и знал Киселевых, говорят, что повезло поэту: его не покидала муза. Ведь музой была Ирина, Ирина Анатольевна. Хотя она сама так не считает. Просто рядом была. Всегда.

Смерть меня не отнимет У реки и у поля во мгле

Они часто выезжали за город. Нет, не на дачу. Дачи тоже не нажили. Бродили по проселочкам, сидели на траве, прижимались к березкам-подружкам. Но в один из дней вместо знакомых берез увидели лишь пеньки от них. А по пенькам катился сок. Как слезы. Слеза скатилась и со щеки Игоря.

Не знаю, под каким родился знаком,
Но вот брожу по тропам и мостам
С невыразимой нежностью к собакам
И жалостью к деревьям и цветам.

После грустных событий, после грустных стихов Игорь вовсе не спал или притворялся спящим. Мог встать среди ночи и настучать на старенькой машинке: "Что такое со мной, что такое... Или годы стучатся сильнее? Снятся кони мне, снятся мне кони, как засну - так увижу коней". Но не кони, а автобус увозил поэта в Мариинск - его последнюю творческую командировку. Он уже бывал в Мариинске. И был поражен, восхищен: "Этот город, как цветок деревянный На закате деревянного лета". Мариинский Левша - умелец и великий мастер Юрий Михайлов сказал, что Игорь Киселев помог ему сотворить герб своего города - в образе деревянного цветка. Ирине Анатольевне приятно было это слышать.

- Как же я всех люблю! За то, что помнят Игоря... - совсем как девочка, как школьница, восторженно говорит она, всплескивая руками, словно крыльями. И смотрит на портрет, на Игоря. А Игорь улыбается ей.

Она благодарна всем, кто ее принимает и слушает. И слышит... Игорь. Сквозь годы, но такого сегодняшнего, современного...

Не сетуем. Не морщимся. Не плачем.
Работаем и веруем в одно -
Что прячется в безвременье незрячем
Невызревшего времени зерно...

Правда, в последнее время Ирину Анатольевну стал волновать вопрос: "А не отвлекаются ли молодые, хорошо одетые мальчики и девочки, глядя на нее, жену поэта? Не кажется ли она им старомодно одетой? Сама-то она всегда была выше того, чтобы по одежде судить о человеке... И не за "тряпками" бежала в магазин, когда появлялись (о, как давно это было!) лишние деньги, а за книгами. Таким и Игорь был. Однажды на последние рубли купил щенка. Признался: "Верю в день безоружных улыбок и смеющихся добрых собак". Щенка назвали Булькой. "Лопухий и добрый уродец, подзаборных кровей дворянин" надолго поселился у Киселевых. Был чутким. Как хозяин. Перед командировкой Игоря в Мариинск Булька вдруг загрустил. Заглядывал Игорю в глаза, скулил. Будто хотел предупредить. Но он уехал. Ирина Анатольевна устало опустила в кресло. Булька без всякого приказа принес ей тапочки... Ну почему, почему она тогда не побежала за ним, не вернула...

...А с кладбища вернулась, будто с чужих похорон. Нет, там не Игорь. Игорь - вот он. И руку приложила к сердцу... Врачи говорят, что ей надо подумать о себе. И рада бы последовать их предписаниям и рецептам, но... Даже на капельницу она одалживает денег сроком на год. И весь год копит 1200 рублей. По сто рублей откладывая с пенсии... Урезывая и без того урезанную жизнь. Прошу прощения за такие подробности у Ирины Анатольевны. И вновь повторяю, что сама она никогда бы на жизнь не пожаловалась. Даже радуется: "Я ведь действительно не ощущаю возраста".

"И много, много раз переверни страницу"

Да, можно, не лукавя, рассыпаться в комплиментах: "Ах, как хорошо вы сохранились!" Точеная (на зависть молоденьким) фигурка, летящая (будто феном поддуваемая) прическа, мягкий голос... Но я молчу. Вспоминается фраза таможенника из "Белого солнца пустыни": "За державу обидно".

- Я ведь не одна так живу. Много нас таких... ветеранов, - чуткая Ирина Анатольевна улавливает мои мысли, мое настроение.

Все верно, не одна. Но ведь второй такой Игорь Киселев у нас еще не родился. И не только у нас. Не так давно прислали Ирине Анатольевне газету из Рязани. А в ней - на целый разворот статья "Четыре дождя Игоря Киселева". И в самом начале ее такие вот строчки: "С каждым годом творчество бессмысленно ушедшего поэта Игоря Киселева (1933 - 1981) приобретает все большую известность. Статьей о нем редакция открывает новую рубрику "Книга у сердца" о поэтах трагической судьбы из глубинки России, где муза кровно связана с есенинской музой". Читайте, сравнивайте, гордитесь, что жил-был талантливый поэт. И что живет рядом с нами жена поэта. Все в том же доме - "хрущевке" по проспекту Ленина, 106.

Лет пять или шесть тому назад друзья-писатели торжественно открыли мемориальную доску на доме под N 106. Те самые "наилучшие друзья, не пытавшиеся поднять головы" у его могилы. И об этом есть у Игоря стихи! Замедляли люди шаг у дома, читая надпись на доске. И вдруг в один из дней варвары сняли доску, вырвали у дома память. Сколько получили взамен, сдавая драгметалл... Э-эх, мы... После этого будто второй раз похоронил дом Игоря Киселева. Понятно, что сообщила Ирина Анатольевна о пропаже. Обещали восстановить. Сдержали слово. Но уже не на металле, а на мраморе портрет и надпись. Только о том, что доску вновь повесили, Ирине Анатольевне никто не сообщил. Будто украдкой поместили. Мелочь... А все равно осадок. Но Игорь завещал своей Ирине: "И все, что здесь наколесил, ты вспомни, как таблицу, Когда тебе не хватит сил перевернуть страницу". У нее хватает сил листать страницу за страницей. И воспоминаний, и книг с его стихами, и страницы уже своей жизни, без Игоря...

Она ведь тоже творческий человек. После института работала в школе, потом - режиссером на телевидении. Долго-долго. На полке кассеты с фильмами и о Киселеве. С его голосом. Увидишь, услышишь однажды - запомнишь навсегда. Таким была режиссером. А уже потом, на заслуженном отдыхе (как насмешка звучит это слово), работала в библиотеке. Открыла там клуб интересных встреч. Вполсилы не работала (не умеет). Кому-то деньги, которые она получала, показались бы смешными... Но они ее выручали. Сейчас нет и их: пенсионный возраст, а не талант и самоотверженность решают все. Но Ирина Анатольевна все равно рада, что успела многих пригласить, о многих рассказать. Например, о верном друге их семьи - Германе Захарове. К сожалению, к великой нашей потере, тоже безвременно ушедшем. Остался портрет Игоря, написанный Германом уже после смерти Игоря. Поэт - в гроздьях алой рябины. Угодил художник (вот что значит верный друг!), не отделял себя Игорь Михайлович от природы. Писал Захаров и портреты Ирины. Невозможно было не писать. А сейчас под портретами мастера Захарова сидит его дочка - Вероника. И пьет чай с Ириной Анатольевной. Так что и дружба, как стихи, тоже вечная. И, как память, как любовь, помогает звучать чудесная дудочка Игоря Киселева.

- Услышали бы ее богатые, - уже не Ирина Анатольевна, а друзья ее мечтают вслух о добрых спонсорах. А как без них, как без денег выпустить новую книжку стихов поэта?

Именно по просьбе друзей и напросилась я в гости к Ирине Анатольевне. И вновь прошу прощения за растревоженную память. Но ведь без памяти никак нельзя. А сам Игорь Михайлович посвятил стихи памяти любимого им Владимира Высоцкого. Как реквием звучат. О нем - нашем Игоре Киселеве.

Говорят, что бился в стену,
Что цены себе не знал.
Ну, а если б знал он цену -
Торговаться б, что ли, стал?
...Диск заезженный гоняю,
Вспоминаю, поминаю -
Струны слышу, вижу сны...
Я цены ему не знаю.
Знаю - нет ему цены.

...Как котенка, бережно вложила мне в руки Ирина Анатольевна сборник со стихами мужа. На время. Потеплело от страниц, от строчек. Выпускать стихи не хочется. Но цены им нет. Возвращаю книгу. Чтобы еще кто-то прочел:

Уйду к окну ночному -
От снега даль бела.
И все слышней по дому:
"Печаль моя светла".